

Луиза Кавелье Левек

ПРИНЦ АКВАМАРИНОВ

ПРИНЦ- НЕВИДИМКА

1786

Луиза Кавелъе Левек

Принц Аквамаринов.
Принц-невидимка

«Автор»

2026

Левек Л.

Принц Аквамаринов. Принц-невидимка / Л. Левек — «Автор»,
2026

Две волшебные повести Луизы Кавелье Левек о любви, разлуке и поисках свободы. Принц Аквамаринов не может показаться любимой, не погубив её; принцу-невидимке волшебный дар помогает проникать во дворцы, но не избавляет от ревности и опасностей. Сады из драгоценных камней, остров вечной ночи и комнаты времени образуют мир французской литературной сказки. Полный русский перевод по изданию 1786 года, со стихотворными вставками, примечаниями и новыми цветными иллюстрациями. Для взрослого читателя: текст содержит жестокость, принуждение, чувственные и трагические эпизоды. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© Левек Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Принц Аквамаринов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Луиза Кавелье Левек

Принц Аквамаринов. Принц-невидимка

Предисловие к русскому изданию

Перед вами две волшебные повести Луизы Кавелье Левек — «Принц Аквамаринов» и «Принц-невидимка». Впервые они вышли вместе в Париже в 1722 году. Настоящий перевод выполнен по их тексту в двадцать четвёртом томе французского собрания *Le Cabinet des fées*, изданном в Женеве и Париже в 1786 году. Именно год этого источника указан на обложке.

В первой повести прекрасный принц приносит смерть каждому, кто взглянет на него. Мрачная башня, где невозможно ничего увидеть, становится единственным местом, в котором он может без страха говорить с любимой. Во второй повести волшебный камень делает героя невидимым, но лишает возможности говорить. То, что сперва кажется даром, вновь и вновь становится препятствием. Героям приходится искать способы узнать друг друга, довериться голосу, письму, прикосновению.

Левек соединяет приключения с размышлениями о любви, ревности и верности. Её острова, дворцы, комнаты времени и волшебные источники устроены как самостоятельные маленькие миры. Описания драгоценных камней, садов и архитектуры чередуются с жалобами влюблённых и стихотворными посланиями. Повторы чувств и ситуаций сохранены: они принадлежат самому повествованию.

Это полный перевод двух повестей, без семейной адаптации. Стихотворные вставки переданы нерифмованными стихами с сохранением последовательности, числа исходных строк и строф. При таком выборе главным оставался смысл; французская рифма и регулярный размер не воспроизводятся. В русской вёрстке длинная стихотворная строка иногда занимает две печатные строки. Авторские особенности повествования и не вполне согласующиеся между собой подробности не исправлялись за писательницу.

Книга предназначена для взрослого читателя. В ней встречаются человеческие жертвоприношения, людоедство, жестокие наказания, похищения и принуждение к браку; есть чувственное описание обнажённой купальщицы, попытка самоубийства и волшебный лабиринт, где отчаявшиеся влюблённые погибают. Риторика смерти от любви принадлежит историческому тексту. Редакция не рассматривает саморазрушение как доказательство любви или достойный выход из несчастья. Жизнь человека не теряет ценности из-за чужой неверности или отказа.

Слова о «дикарях», равно как связывание телесного уродства со злобой, отражают условности и предубеждения старинной сказки. Они сохранены для понимания оригинала и не выражают оценки современных народов или людей с особенностями внешности. Новые иллюстрации показывают волшебные пейзажи, встречи и спасение героев; сцены самоубийств, обнажения и натуралистической жестокости не изображены. Обложки символически соединяют мотивы обеих повестей, а не воспроизводят одну буквальную сцену.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Принц Аквамаринов

Остров дикарей оглашался радостными криками; мрачные скалы, окружавшие его, вторили звукам ратной музыки и воплям варваров. Море с яростью разбивалось о скалы, и его рёв, сливаясь с этими криками, делал их ещё ужаснее. Чудовища, находившие удовольствие в том, чтобы перерезать горло каждому несчастному, которого неистовство ветров вынуждало искать пристанища на их острове, собрались выбрать короля. Потоки человеческой крови уже залили алтари их богов; берег был ею напоён, а тела несчастных жертв, сложенные на костре, вскоре должны были обратиться в пепел. Дикари уже начали плясать вокруг костра, когда заметили обломки корабля. Сломанные мачты, разбитые скамьи, обрывки снастей и разорванные паруса носились по волнам. Чуть поодаль виднелось несколько несчастных, которые изо всех сил старались доплыть до острова. Надежда на скорое спасение возвращала им силы, почти иссякшие от долгой усталости и непрестанных усилий. Увы! Приближаясь к роковому берегу, они спешили навстречу смерти. Судьба, словно вырывавшая их из волн ради спасения, на самом деле несла их к этому берегу, чтобы обречь на смерть в тысячу раз более жестокую.

Едва они выбрались на сушу, дикари схватили их, заковали в цепи и поволокли к подножию алтарей. Там им перерезали горло, а ещё дымившейся кровью наполнили чаши, которые варвары осушили в честь своих богов. Пощадили лишь одного чужеземца. Его красота, изящество и юность тронули бы всякого, кроме этого свирепого народа, вскормленного кровью и убийствами. Он был выше среднего роста, держался благородно и непринуждённо; длинные волосы прекраснейшего золотистого оттенка падали ему на плечи крупными локонами. Его открытое чело сияло кротким величием, чёрные глаза горели пронизательным огнём, а неуловимое обаяние, ещё более пленительное, чем красота, делало его самым привлекательным из смертных. Варвары предназначили его в пищу королю, которого им готовила судьба.

Способ, каким они выбирали короля, был не менее жесток, чем остальные их обычаи. Избирали шестерых самых знатных и прославленных своей свирепостью; королём становился тот, чья стрела пронзала сердце вдовы покойного государя или его ближайшей родственницы. Они уже привязали свою королеву к скале, и пятеро варваров успели ранить её стрелами в бёдра и руки, когда шестой вышел вперёд и натянул лук. Стрела рассекла воздух и насквозь пронзила сердце несчастной королевы. Тотчас раздались тысячи нестройных криков. Весь народ пал к ногам нового короля, после чего его понесли по острову, словно справляя триумф. Впереди шли женщины и девушки с распущенными волосами и кинжалами в руках. Их пение напоминало вопли обезумевших вакханок. За ними медленно ступали старики, согбенные под тяжестью преступлений ещё больше, чем под бременем лет. Король в окружении островной молодёжи замыкал шествие. Чужеземец, которого оставили в живых, следовал за этой погребальной процессией, охваченный ужасом и потупив глаза. Двое дикарей держали его на цепи и вели, как юную жертву к алтарю.

Обойдя весь остров, народ наконец остановился посреди леса: здесь происходили их пиршества. На траве лежала тысяча диких зверей, а между ними стояли большие сосуды, полные крови. Самое изысканное вино, даже нектар показались бы этим людям менее сладкими, чем такой напиток. Нового короля усадили на трон, покрытый львиными шкурами. Желая начать празднество, он уже схватил чужеземца и занёс кинжал, готовясь перерезать ему горло, как вдруг оружие выпало из его руки, а сам король рухнул мёртвым к ногам незнакомца. Изумлённые люди жадно устремили на чужеземца глаза, но всех постигла та же участь: умирая, они опрокидывали сосуды и падали в разливавшуюся из них кровь.

Невозможно выразить изумление юного чужеземца при виде целого народа, который невидимая божественная рука словно истребила в один миг. Варвары лежали на земле; ужас смерти запечатлелся на их лицах. Их глаза, обращённые к небу, будто обвиняли богов в

своей гибели, раскрытые рты словно изрыгали хулу, а поднятые руки, застывшие от смертного холода, всё ещё, казалось, грозили небесам. Незнакомец поспешно забрал оружие мёртвого короля и, пройдя между телами, углубился в лес. Он добрался до скалы, из которой бил источник; вода с шумом падала с камня на камень, делая эту глушь ещё мрачнее. Здесь, предавшись мыслям о своих несчастьях, чужеземец дал волю горю. Он не мог без содрогания вспомнить обо всём, что перенёс с тех пор, как покинул Сияющий остров, где царствовал его отец. Берега того острова окружали скалы из хрусталя и изумрудов, холмы были усыпаны драгоценными камнями, деревья отягощены плодами рубинового цвета, а великолепные алмазные башни у ворот столицы ослепляли взор. Целый год прошёл с тех пор, как он уехал оттуда и стал скитаться по морям.

Всё пережитое в тот миг вновь предстало перед ним. Он не смог удержать слёз при мысли, что, быть может, навеки разлучён с отцом. Тогда ему вспомнилось, что перед отъездом король вручил ему шкатулку и велел открыть её лишь через год. Год миновал; принц открыл шкатулку и нашёл в ней письмо, которое поспешил прочесть. Оно было написано рукой короля. Вот какими словами несчастный отец объяснял ему причину его бедствий.

«Напрасно пытался бы я, дорогой сын, скрыть от тебя грозящие тебе несчастья. Боги свидетели всему, что я сделал, пытаюсь смягчить их гнев. Но фея Нуаржабарб, враг нашего острова, в миг твоего рождения обрекла тебя на ужаснейшую муку. О, почему она не отняла у тебя жизнь! Я был бы счастливее, а для тебя это стало бы меньшим наказанием. Жестокая фея явилась в моё царство, когда другие феи только что одарили тебя всем, что делает принца совершенным. Своими дарами они хотели лишить Нуаржабарб всякой возможности тебе навредить. Но чего только не измыслят жестокость и злоба ради мести! Не в силах отнять у тебя полученные дары, фея пожелала сделать тебя ужасом всего мира: она предрекла, что, едва тебе исполнится двадцать лет, каждый, кто взглянет на тебя, тотчас умрёт. Представь моё горе, когда она произнесла эти страшные слова! Я сделал всё, чтобы её смягчить, но тщетно. Она даже запретила мне открывать эту тайну кому бы то ни было, кроме тебя, и говорить о ней до твоего двадцатого года. Она надеялась, что и я, и весь мой народ погибнем, взглянув на тебя, а ты станешь нашим палачом. Увы! Я предложил ей свою жизнь, но мои слёзы её не тронули; она улетела в чёрном вихре плавающего битума и смолы. Ты знаешь, с какой заботой я растил тебя; знаешь, скольких слёз ты мне стоил — горестной платы за мою любовь. Я больше тебя не увижу. Ты уже испытал несчастье, на которое обрекла тебя фея Нуаржабарб. Найди пустынное место, сын мой, где ты сможешь уберечь смертных, навсегда скрывшись от их взоров, и вспоминай там иногда своего отца».

Едва принц, которого звали принцем Аквамаринов, дочитал письмо, как глаза его наполнились слезами.

— О боги! — воскликнул он. — Чем заслужил я такую жестокую муку? Где на земле найдётся место, достаточно пустынное, чтобы укрыться от людских взоров? В своём несчастье я могу считать удачей хотя бы то, что судьба выбросила меня на этот варварский берег и первыми моими жертвами стали эти чудовища.

Несчастный принц поднялся и вышел из леса. Он оказался у одних из ворот города дикарей, построенного в долине среди высоких гор, сплошь покрытых лесами. Бурный поток, с ужасным грохотом низвергавшийся со скал, делил город надвое. Дома были очень низкими; все они были залиты кровью и почти скрывались под мёртвыми телами и разбросанными человеческими членами. Воздух этого острова обладал свойством сохранять тела: они никогда здесь не разлагались. Принц ужаснулся этому страшному месту. Он ушёл оттуда, немного утешаясь мыслью, что избавил мир от столь жестоких чудовищ, и решил остаться на острове, питаясь плодами земли.

Жилищем он избрал пещеру в скале, откуда открывался вид на море. Ужас одиночества на неведомом берегу немного смягчался сознанием того, что ему поневоле приходится жить

вдали от смертных. Жестокое наказание, назначенное феей Нуаржабарб при его рождении, навсегда изгоняло его из людского общества. Он только что убедился в этом на страшном опыте, и одиночество

казалось ему менее горьким, когда он думал, что здесь никто не погибнет при виде него. Отрадой тихой и мирной жизни он мог бы утешиться в своих несчастьях, если бы любовь не

соединилась с жестокой Нуаржабарб, чтобы окончательно его сокрушить. Но он любил. Тайное жгучее пламя пожирало его, он вздыхал днём и ночью, а в довершение бед даже не знал имени той, кого любил. У него был лишь её портрет. Неустанно наслаждаясь его созерцанием, принц с каждым мгновением всё сильнее разжигал свою страсть и скорбь.

— Я люблю! — восклицал он. — Любовь испытала на мне всю жестокость своей власти. Я не знаю той, кого люблю, и не могу даже надеяться увидеть её, не заплатив за это её жизнью. При виде меня гибнут все смертные; погибла бы и та, кого я обожаю, если бы мы встретились. О боги! На какую ужасную муку вы меня обрекли!

Такие горестные мысли терзали несчастного принца. Он часто отправлялся гулять на островок, поросший апельсиновыми деревьями и почти примыкавший к тому, где он жил. Однажды принц уснул там и проснулся лишь от раскатов грома. Море уже вздымало волны, с берега поднимался ветер; всё предвещало скорую бурю.

Однако принцу Аквамаринов казалось, что он ещё успеет вернуться на свой остров. Он снова сел в лодку и уже готовился пристать к берегу, когда порыв ветра отнёс его в открытое море. Буря внезапно усилилась, и лодку принца, сделанную из выдолбленного древесного ствола, вскоре унесло на другой край моря. Он спокойно ждал смерти, которую считал неизбежной, когда лодка ударилась о скалу и разбилась. Некоторое время он плыл, но наступившая ночь принесла новые опасности. В темноте он не мог выбрать направление и боялся, что удаляется от берега, думая к нему приблизиться. И всё же он продолжал плыть. Силы его истощились, и он уже готов был погибнуть, когда нащупал железное кольцо, вделанное в стену башни. Принц ухватился за него и повис, решив дождаться зари, чтобы при свете дня увидеть ближайший берег.

Со вздохами сетовал он на судьбу, так жестоко его преследовавшую, когда услышал голос:

— Несчастный чужеземец, которого море и ветры занесли к этим берегам, перестань жаловаться на свою участь! Увы, если бы ты мог положить конец моим бедам, как я сейчас положу конец твоим, спасая тебе жизнь! Хватайся за эту верёвку: боги ещё не назначили тебе часа смерти.

Принц Аквамаринов некоторое время колебался. Он упрекал себя за то, что подвергает смерти человека, желающего спасти ему жизнь. Но он так ослаб, что, отказавшись от помощи, должен был бы погибнуть: держаться больше не хватало сил. Царившая ночь придавала ему смелости. Он ухватился за верёвку, поднялся в башню и очутился в комнате, где из-за глубокой темноты ничего не мог различить. Принц решил при первых проблесках зари вновь броситься в море и добраться до ближайшего острова: он не хотел погубить ту, которая только что избавила его от неминуемой опасности.

— Как многим я вам обязан! — сказал он своей спасительнице. — Чем смогу я когда-нибудь отплатить вам за это благодеяние? Но что может сделать для вас несчастный принц, гонимый судьбой? Сохранив мне жизнь, ваше сострадание, быть может, ввергнет меня в новые бедствия, от которых смерть избавила бы меня. И всё же скажите, в какие края занесли меня морские волны.

— Вы близ острова Ночи, где царствует мой отец, — ответила незнакомка. — Эту башню называют Мрачной; её построила фея. Ни солнечные лучи, ни кроткий свет луны никогда её не озаряют. Она окружена вечной тьмой, и даже ближайших предметов здесь нельзя различить.

Эти слова утешили принца Аквамаринов. Он больше не боялся, что принцесса умрёт при виде него: ведь смерть настигала лишь того, кто на него смотрел. Глубокий и вечный мрак, окутывавший башню, успокоил его.

— Но в каких краях вы родились? — продолжала принцесса. — Как буря занесла вас к этому берегу? Не откажите мне в рассказе о ваших приключениях.

Несколько вздохов вырвалось у принца Аквамаринов при воспоминании о своих несчастьях, и он начал рассказ.

— Я родился на Сияющем острове. Мой отец царствовал там уже очень давно и с горестью видел, что королева, моя мать, остаётся бездетной. Наконец она понесла. При моём рождении присутствовало несколько фей; они наделили меня всеми добродетелями, каких только может пожелать принц. Чтобы достойнее почтить их, отец приказал приготовить великолепный пир в одном из залов своего дворца. Празднество уже готово было начаться, как вдруг воздух помрачнел. Чёрный туман разлился по пиршественному залу, и отец почувствовал, что невидимая рука уносит его прочь. Все остальные феи сразу поняли, что это проделка феи Нуаржабарб; но никакой власти над нею они не имели. Зная её жестокость, они могли лишь пожалеть моего отца. Через некоторое время он вернулся, однако был так огорчён и подавлен, что его нельзя было узнать. Напрасно феи упрасивали его рассказать, что сказала ему Нуаржабарб: он не смел и не мог говорить. Горесть овладела им и исторгала потоки слёз. Под угрозой самых страшных бедствий фея Нуаржабарб запретила ему открывать кому бы то ни было, кроме меня, то, что она только что ему сообщила.

Отец воспитывал меня со всевозможной заботой; но то, что радует других отцов, повергало его в скорбь. С печалью смотрел он, как я становлюсь старше. Чем лучше я, казалось, оправдывал данное мне воспитание, тем сильнее он меня жалел и тем больше слёз я ему стоил. Наконец, когда мне шёл уже девятнадцатый год, отец однажды повёл меня к морю. Он хранил глубокое молчание. Я следовал за ним, дрожа: никогда ещё он не казался мне столь подавленным. У края леса он остановился и, нежно обняв меня, сказал:

«Беги, сын мой, беги с этой несчастной земли, где ты увидел свет. Пришло время нам расстаться. Я скрыл твой отъезд от всего моего народа: быть может, он воспротивился бы ему и, желая спасти тебя, сам погиб бы. Итак, отправляйся, сын мой. По другую сторону этого леса ты найдёшь корабль, который я велел снарядить нарочно для тебя. Я скрываюсь даже от людей, назначенных тебе в спутники: моё горе могло бы возбудить у них подозрения. Спешి отплыть и отдайся на волю ветров. Главное же, сын мой, не открывай эту шкатулку, пока не минует год со дня, когда ты покинешь этот роковой берег».

Всё это он говорил, не выпуская меня из объятий и орошая слезами. Я был так потрясён, что едва нашёл силы обвить руками его шею.

«Чего мне страшиться? — воскликнул я. — Разве могу я потерять больше, чем жизнь? Нет, отец мой: если я должен умереть, позвольте мне хотя бы умереть в ваших объятиях!»

«Беги, — ответил он, — внемли мольбам отца и покинь эти места».

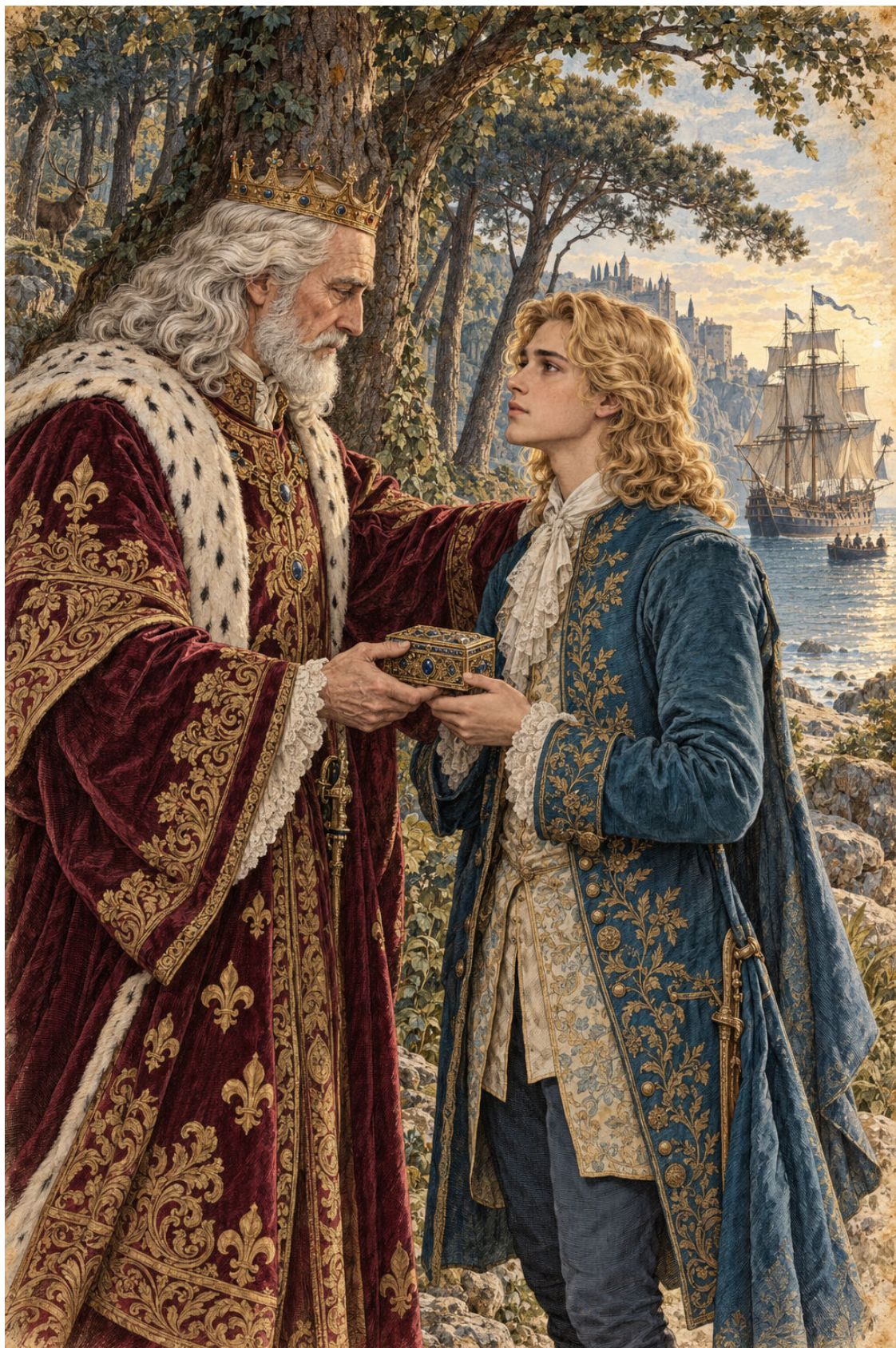
Тут он вырвался из моих объятий и углубился в лес. Я остался неподвижен и не мог сделать ни шагу, чтобы последовать за ним. Через несколько мгновений я пришёл в себя, но напрасно искал в лесу: отца я не нашёл.

Я увидел корабль, который он велел для меня приготовить. Ждали только меня. Отец дал моим спутникам понять, будто я отправляюсь на Блаженные острова, лежавшие недалеко от Сияющего острова. Помолившись богам о сохранении отцовской жизни, я поднялся на корабль. Мы взяли путь к этим островам, но вдруг ветер переменился и пригнал нас к другому острову, где пришлось сделать остановку. Мы высадились, чтобы починить корабль, немного пострадавший от бури. Я пошёл в глубь острова, который казался волшебным краем. Ни одна скала не преграждала доступа к его берегам; его окружала ровная прибрежная полоса, где дышалось легко и приятно. Повсюду тянулись апельсиновые аллеи, ведущие к городу, видимому с морского берега. Аллеи пересекали широкие каналы, а вдоль каналов шли цветники с анемонами, жонкиллями, лютиками и тюльпанами.

Столь очаровательное прибытие возбудило моё любопытство. Я прошёл дальше и заметил вдали человека, шедшего ко мне навстречу. Его одеяние удивило меня. Я приблизился к нему. Длинная распашная одежда, волочившаяся по земле, покрывала камзол из великолепнейшей ткани; широкие рукава окружали его руки; на голове была шапочка, украшенная дра-

гоценными камнями. В одной руке он держал книгу, в другой — золотой жезл. Увидев меня, он остановился, некоторое время рассматривал меня, а затем заговорил:

«Юный чужеземец, которого буря забросила на эти берега, следуй за мной и воспользуйся мгновениями,

которые тебе осталось провести на этом острове».

При этих словах я почувствовал, будто какая-то сила увлекает меня против воли. Я последовал за ним. Он направился к городу, видневшемуся в конце аллеи. По дороге он рассказывал мне об их обычаях и образе жизни.

«Этот остров, — сказал он, — где собрано всё самое редкостное в природе, называется островом Белой магии. Число его обитателей неизменно. Между нами нет соперничества, наши силы равны; все мы живём в дружбе, потому что ни зависть, ни корысть не нарушают нашего покоя. Все мы ровесники и все умираем в один день. Жён мы здесь не держим, и у каждого из нас бывает от жены лишь один сын. В двадцать пять лет все мы женимся на тех принцессах во вселенной, которые больше всего нам нравятся. Подвластные нам духи приносят их портреты, и каждый выбирает себе супругу. Все наши жёны в один день рожают по сыну и держат их при себе до двадцатипятилетнего возраста. Тогда нам исполняется пятьдесят, а поскольку этот возраст уже не годится для наслаждений, в нём мы все и умираем. Мы велим нашим жёнам и сыновьям вернуться на остров, передаём сыновьям книги и жезлы и затворяемся в гробницах вместе с жёнами, которых любовь к нам увлекает вслед за нами в тёмное царство. Именно сегодня мы все должны умереть. Скоро это небо, это солнце, этот день исчезнут для моих глаз; я погружусь в вечную ночь и навсегда перестану существовать».

Когда он окончил речь, мы уже подошли к городу. Он весь был выстроен из мрамора и отличался великолепной архитектурой. Мой спутник провёл меня через него, а затем поднялся со мной на вершину скалы, откуда я увидел весь остров. Там он обнял меня и сказал:

«С помощью моего искусства я хочу открыть вам часть того, что должно с вами случиться. Как был бы я счастлив, если бы это могло уберечь вас от угрожающих вам бедствий!»

Он очертил жезлом круг и поставил меня в середину; открыл книгу и трижды поднял жезл. В последний раз я увидел, как вокруг меня поднимается чёрный туман. По мере того как он сгущался, я переставал видеть: небо скрылось от моих глаз, земля исчезла. Когда же туман рассеялся, я с изумлением обнаружил, что больше не вижу ни сопровождавшего меня волшебника, ни скалы, на которой стоял, ни острова, ни чего-либо из замеченного прежде. Я очутился на корабле, застигнутом бурей; некоторое время боролся с волнами и наконец разбился о скалу. Я погрузился на морское дно. Там я увидел ужасных чудовищ: при виде меня они исчезли, оставив в моих объятиях принцессу несравненной красоты. Страх погасил краски её прекрасного лица, и глаза её едва выносили свет; но стоило ей взглянуть на меня, как румянец вернулся. Никогда я не видел ничего прекраснее. Мне казалось, она благодарит меня за спасение жизни; однако в то же мгновение чудовище страшного облика похитило её у меня. Я хотел вырвать её из его когтей, но всё исчезло перед моими глазами.

Туман, сначала окруживший меня, понемногу рассеялся, и я снова оказался на той же скале рядом с волшебником. Я жалел, что обман длился так недолго. Милый образ очаровательной принцессы, оставшийся в памяти, занимал все мои мысли. Я хотел бы, чтобы это волшебство продолжалось вечно. Любовь уже проникла в моё сердце. Я дорожил стрелой, ставшей впоследствии причиной самых тяжких моих несчастий. Я стоял неподвижно, стараясь вновь представить прелестные черты, которые только что исчезли передо мной. Увы! Любовь уже запечатлела их в глубине моей души.

Об одной лишь милости я просил волшебника: сказать, было ли видение столь прелестной принцессы обманом или боги действительно могли создать смертную, которая должна была отнять у них почести, причитающиеся одному божеству. Он ответил мне так:

Та, что зажгла в твоём сердце доселе неведомый пламень,
Та, чей единственный образ уже заключил тебя в цепи,
Царствует у морских просторов,
Но лишь у края могилы своей ты её повстречаешь.

«Долго ли ещё боги будут продлевать мне жизнь? — воскликнул я. — Почему не оборвут её нить, если моей блуждающей тени суждено насладиться созерцанием столь прелестного существа? Зачем мне жить, если условие жизни — никогда не видеть ту, которую я обожаю?»

Рождавшаяся любовь так смутила меня, что я не заметил, как волшебник уже оставил меня и направился к роще. Я последовал за ним. Это был миртовый лес, чей нежный, восхитительный аромат поднимался до самых небес. Все аллеи имели одинаковую ширину и переходили одна в другую. Между миртами стояли гробницы из чёрного мрамора, украшенные беломраморными статуями дивного великолепия.

«Здесь, — сказал волшебник, — покоятся все наши предки. В каждой аллее столько гробниц, сколько нас самих; поэтому каждому поколению соответствует одна аллея, один ряд гробниц».

Я прошёл по аллеям, где были погребены первые волшебники. Глубокая тишина, царившая в лесу, мирты, которых никогда не колебал даже слабейший ветерок, гробницы, расставленные на равном расстоянии, — всё внушало священный ужас. Мы подошли к аллее, где гробницы были открыты. Я спросил волшебника о причине. Он сказал, что эти гробницы предназначены для них самих и что вскоре я увижу, как обновится весь остров.

Тотчас я услышал страшный грохот. Небо покрылось мраком, в воздухе загредел гром, под ногами задрожала земля. Но всё понемногу утихло, день постепенно возвратился, и я увидел воздух, наполненный бесчисленными колесницами, которые спустились в аллею, где я находился. Из каждой вышла принцесса, державшая за руку молодого человека. Все они направились к волшебникам, сидевшим на краях своих гробниц. Они обнялись; волшебники передали книги и жезлы сыновьям — ибо принцессы были их супругами, — затем каждый вошёл в свою гробницу вместе с женой, и через мгновение все гробницы закрылись.

Сын волшебника, взявшего меня под своё покровительство, подошёл ко мне и сказал, что мне больше не дозволено оставаться на острове: взоры непосвящённых не могут видеть таинств, которые они собираются совершить для теней своих отцов, и я должен уехать. Он обнял меня и на прощание подарил портрет той принцессы, которую я видел на дне моря. Я узнал те самые черты, что заметил прежде, и при этом роковом зрелище рана моя открылась вновь. В восторге от столь драгоценного дара я вернулся к морю, не отрывая глаз от прелестного портрета. Я вновь поднялся на корабль, всё ещё поглощённый удовольствием его созерцать. Я не уставал на него смотреть, целовал его тысячи и тысячи раз в день; каждое мгновение усиливало мои желания. Я решил объехать все дворы вселенной, чтобы найти ту, с кого он был написан.

Мы плыли уже восемь дней, когда новая буря заставила нас долго блуждать по необъятным морским просторам. Избитый волнами корабль пошёл ко дну, и мы попытались вплавь добраться до острова, замеченного вдали. Но, о боги, в тысячу раз лучше было бы, если бы море поглотило нас, чем пристать к этому роковому берегу! Все мои спутники были зарезаны дикарями, населявшими побережье. Я видел, как их кровь налили в чаши, чтобы эти варвары могли её пить. Меня самого оставили на съедение их гнусному королю. Уже весь народ собрался посреди леса, в месте, отведённом для пиров; уже король поднял вооружённую кинжалом руку, собираясь перерезать мне горло, как вдруг упал мёртвым к моим ногам. Дикари с изумлением взирали на это чудо, но все претерпели ту же участь. Я увидел, как они в одно мгновение испустили дух. Я поспешно вооружился, опасаясь, что появятся другие, и углубился в лес. Там, размышляя обо всех своих несчастьях, я вспомнил о шкатулке, которую отец велел открыть лишь через год после моего отъезда. Я считал каждый день; год только что окончился, и я достал её и открыл.

Тут принцесса острова Ночи, услышав звуки труб, флейт и барабанов, прервала принца Аквамаринов.

— Тронутая вашими несчастьями, — сказала она, — я с нетерпением ждала продолжения ваших приключений; но король, мой отец, чья лодка, как я слышу, рассекает волны, заставляет меня отложить столь приятную беседу. Войдите, принц, в эту комнату и позвольте мне надеяться, что, как только король уедет, вы не откажетесь продолжить рассказ о жизни, к которой сострадание не позволяет мне оставаться равнодушной.

Принцесса вышла на площадку Мрачной башни навстречу отцу.

— Иди, дочь моя, — сказал он, — твои несчастья окончились. Боги, которых я вопрошал каждый день, наконец объявили мне, что за тебя больше нечего бояться. Иди, обними отца, так долго ждавшего этого мгновения.

Принцесса спустилась из Мрачной башни и села в отцовскую лодку. Они нежно обнялись, но не увидели друг друга: башню окружала вечная тьма. Тотчас лодку повернули к

острову под звуки музыки и возгласы народа, толпившегося на берегу и наполнявшего воздух криками и песнями. Принцессе очень хотелось остаться ещё, чтобы узнать продолжение приключений принца Аквамаринов; однако открыться отцу было невозможно: оракул грозил ей самыми страшными бедствиями, если она когда-нибудь примет в своей башне хоть кого-нибудь.

Она прибыла на остров Ночи; её глаза впервые увидели свет. Берег освещали большие бронзовые сосуды, наполненные жидкостью, которая горела вечно и никогда не убывала. Они стояли на высоких колоннах из прекраснейшего мрамора, расставленных на некотором расстоянии друг от друга по всему островному побережью. Без этих огней здесь царила бы вечная тьма. Принцесса высадилась, и её повели к столице по еловой аллее: все ветви были увешаны такими же негаснущими светильниками. Она подошла к воротам, освещённым тем же способом, и вошла во дворец короля, своего отца. Ничего прекраснее его архитектуры нельзя было вообразить. Огненные чаши украшали и освещали крышу дворца, который весь сиял огнями. Все сады тоже были освещены, и так было всегда. Принцессу подняли на террасу над дворцом. Оттуда открывался вид на весь остров. Искусство феи, покровительницы этого королевства, с помощью светильников исправило несправедливость природы, отказавшей острову в солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.